

ОЛЕГ ДИВОВ

ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ

МЫ ИДЕМ НА КЮРАСАО

Олег Игоревич Дивов
Мы идём на Кюрасао
Серия «Рассказы Олега Дивова»
Серия «Сборник 'Вредная профессия'»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139245

Аннотация

«Петр Тизенгаузен, молодой дворянин из мелкопоместных, был с придурью.

Еще в детстве его одолевали всякие идеи: то затеет вертеть дырку до центра земли и обрушит летний нужник; то возьмется изучать самозарождение мышей в грязном белье и увидит слишком много интересного; то задумается, чего люди не летают, и после ковыляет с ногой в лубках. Когда Петр наконец вырос и озаботился вопросами попроще, а именно, почто у девок сиськи, и как от вина шумит в голове, родители юного Тизенгаузена заметно воспряли духом...»

Содержание

Мы идём на Кюрасао	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Олег Дивов

Мы идём на Кюрасао

Петр Тизенгаузен, молодой дворянин из мелкопоместных, был с придурью.

Еще в детстве его одолевали всякие идеи: то затеет вертеть дырку до центра земли и обрушит летний нужник; то возьмется изучать самозарождение мышей в грязном белье и увидит слишком много интересного; то задумается, чего люди не летают, и после ковыляет с ногой в лубках. Когда Петр наконец вырос и озаботился вопросами попроще, а именно, почто у девок сиськи, и как от вина шумит в голове, родители юного Тизенгаузена заметно воспряли духом.

Но годам к восемнадцати, когда все ему стало окончательно ясно, понятно, доступно, а от этого как-то пресно, Петру нечто особенное вступило в голову.

От скуки Тизенгаузены держали парусную шнягу, на которой в ясную погоду гуляли по Волге-матушке под гармошку и самовар с баранками. Шняга была верткая, легкая, быстрая, не боялась волны, прелесть суденышко. На ней даже стояла пушчонка для потешной стрельбы, из разряда тех, которые пищалью назвать уже нельзя, а орудием еще совестно.

И вот на эту шнягу Петр Тизенгаузен вдруг зачастил.

Экипаж шняги состоял из шестерых мохнорылых обормо-

тов под командой отставного матроса деда Шугая. Тот Шугай, даром что дед, носил флотскую косичку, в ухе серьгу и за поясом нож. Еще он был знаменит аж на другом берегу Волги-матушки невероятным своим сквернословием и ловкостью в работе со всякой снастью. Рассказы деда Шугая о дальних походах и истоплении басурман тянулись часами, ибо на одно русское слово у него приходилось три-четыре морских. Но если слушать внимательно, то можно было узнать вещи поразительные – например что у китайнок дырка поперек.

Главное, со шнягой дед управлялся отменно. Не было случая, чтоб его мохнорылый экипаж черпнул бортом воду, навалился на другое судно или, скажем, пропил с похмелья якорь – что на Волге-матушке испокон веку считалось в порядке вещей.

Приняв командование и понизив деда Шугая до боцмана, каковое понижение было компенсировано дополнительной чаркой водки в день, Петр Тизенгаузен развил на шняге кипучую деятельность. Во-первых, он перекрестил ее из «Ласточки» в «Чайку». Во-вторых, заставил матросов основательно подновить судно и заново покрасить. В-третьих, оснастил «Чайку» рындой. И принялся на шняге по Волге-матушке разнообразно вышивать. И в вёдро, и в дождь, и при любом ветре «Чайка» сновала туда-сюда, оглашая великую русскую реку чудовищной руганью и вытворяя такие эволюции, что соседи Тизенгаузенев крутили пальцем у виска.

– Эх, и угораздило же меня с моим талантом родиться в России! – возмущался Петр, когда ветер стихал, и команда садилась на весла. – Что скажете, пиратские морды?!

– Ё! – дружно орали пиратские морды.

Экипаж шняги, надо сказать, разросся уже до дюжины мохнорылых, и морды у них вправду были довольно пиратские. Петр Тизенгаузен самолично отбирал на борт мужиков, из-за чего даже имел серьезный разговор с папенькой.

– Как один острожники! – возмущался папенька. – Зарежут! Сожрут!

– А у меня пистолеты, – отвечал Петр.

Со временем эволюции шняги стали приобретать угрожающий оттенок: «Чайка» шныряла в опасной близости от других судов. Опытный глаз легко угадал бы в ее маневрах развороты для бортового залпа и абордажные заходы.

Вскоре со шняги помимо обычной ругани донеслась еще и пальба: Петр выставил на фарватер старый ялик и крутился вокруг него, поливая картечью из пушчонки.

Обеспокоенный папенька бросился к маменьке.

– Быстро жени мальчишку на соседской дочери, пока не началось!

Но было поздно.

Следующим утром на мачте «Чайки» взвился черный флаг. На квадратной тряпке были грубо намалеваны череп и кости.

– Прощайте, маменька и папенька! – крикнул Петр, стоя

у руля. – Не поминайте лихом! Мы идем на Кюрасао!

Маменьке сделалось дурно. Папенька в сердцах плюнул шняге вслед.

– Да ты раньше Калязина потонешь, – сказал он.

Шняга подняла все паруса и, подгоняемая легким попутным ветром и крепким матом, унеслась.

Ликующий экипаж выпил по чарке водки за успех предприятия и во славу капитана.

– Стану адмиралом, будете пить по две, – пообещал Петр.

– Ё!!! – заорали пиратские морды.

Тизенгаузен подобрал команду умышленно – все его матросы были, помимо вдового деда Шугая, в разладе с женами и мечтали убраться куда подальше. Хоть на Кюрасао. Поглядеть заодно, правда ли у китайнок дырка поперек.

Шняга весело скакала по мелкой волне.

* * *

К обеду вышли на траверз села Концы. Стали на якорь в видимости скобяной лавки жида Соломона – больше в Концах ничего достойного внимания не было. Тизенгаузен высадил на берег десант во главе с огромным рыжим Волобуевым.

– Все ясно, пиратские морды? – напутствовал флибустьеров капитан.

– Ё! – ответили флибустьеры.

Жид Соломон, увидев выходящую на берег шайку и осознав, что морды приближаются сплошь пиратские, заперся в лавке. Волобуев со товарищи неуверенно потоптались у двери, постучали обухами топоров в ставни, и все было бы ниче-го, не вздумай Соломон показать флибустьерам в замочную скважину кукиш.

Десант запросил поддержки с моря.

– Наводи, – приказал Тизенгаузен канониру Оглоедову. – Пали!

Пушчонка жახнула по лавке и с первого раза засадила ядрышко аккурат в замочную скважину.

Лавка была захвачена без боя, только жид Соломон от изумления остался на всю жизнь зайкою. Жена его и дочери отделились не в пример легче, правда, зимой почти одновременно родили по мальчишке.

– Ну дает Соломошка! – изумлялись в Концах. – Заика, а ишь ты!

Пираты взяли в лавке богатый приз скоб, гвоздей и амбарных петель. Из скоб понаделали абордажных крючьев, гвозди порубили на картечь, петлями набили трюм в разумении когда—нибудь их выгодно продать.

«Чайка» ушла от греха подальше на другой, безлюдный, берег, чтобы первый успех подобающе обмыть, заесть и переспать. А утром пиратская шняга, еще веселее и шумнее прежнего, двинулась промышлять дальше.

План Тизенгаузена был прост: накопив пиратский опыт в

относительно безопасных пресных водах, вырваться на оперативный морской простор, а там у кого—нибудь спросить дорогу на Карибы. Напрасно папенька думал сына женить на дочери соседа. В мечтах Петр видел себя зятем губернатора Тортуги, не меньше.

Вскоре на горизонте замаячило нечто большое и неповоротливое, отдаленно напоминающее транспорт с хреном. Оглашая берега эпитетами, «Чайка» начала маневр сближения. Канонир Оглоедов зарядил пушчонку сушеным горохом – на первый выстрел, для остротки.

Намеченная на abordаж жертва оказалась вблизи именно что транспорт с хреном.

– Вы чего?! – заорали оттуда сверху вниз. – Мать вашу!

Но крючья уже, хрустя, впивались в борт. Абордажная команда Волобуева, размахивая топорами, бросилась на приступ.

Капитан Тизенгаузен грозно ступил на палубу транспорта.

– Сарынь – на кичку! – крикнул он и стрельнул из пистолета в воздух.

За что немедленно получил вымбовкой по голове и упал.

– Ё! – рявкнул канонир Оглоедов.

Пираты дружно присели, жახнула пушчонка, и заряд гороха пришелся точно по мордасам вражеской команде, столпившейся вокруг мачты.

Транспорт сдался на милость победителя.

– До чего же мы, русские, несговорчивый и упёртый на-

род, – сокрушался Тизенгаузен, держась обеими руками за голову. – Я же вам крикнул, обормотам, сарынь – на кичку. А вы?

– Да мы тут все, в общем, не графья, – хмуро сказал капитан. – Чистая сарынь. А ты-то кто, мать твою, истопник хренов?

– Вот и вправду пушу на дно твое корыто – будешь знать, какой я истопник, – пригрозил Петр. – Капитан Тизенгаузен! Пиратская шняга «Чайка»! Слыхал? Ничего, еще услышишь. Деньги на бочку! А то картечью пальнем!

Денег набралось чуть более пятиалтынного. Зато хрена баржа везла, как метко заметил дед Шугай, очень много.

– Никто не хочет вступить в мою команду? – спросил Петр. – Ну и плывите отсюда... С хреном! И всем расскажите, что вас взял на абордаж капитан Тизенгаузен!

– Ага, – скучно ответили ему.

* * *

Когда баржа превратилась в пятнышко на горизонте, экипаж «Чайки» выпил по чарке, а Тизенгаузену перевязали голову его же шейным платком, к капитану подошел Волобуев.

– Слышите, барчук, – сказал он. – Вы бы это... Не мое, конечно, дело, но лучше вам не хвалиться своей фамилией направо и налево. Вдруг поймают? Нас-то пороли, порют и будут пороть, дело привычное. А вам может показаться стыд-

но. Да и шкурка у вас, извините за выражение, не такая дубленая.

– Как стоишь перед капитаном?! – взвился Петр.

– Виноват, – громила вздохнул и ушел на корму.

– Я знаю, что делаю! – бросил Петр ему в спину.

Волобуев спиной изобразил недоверие, но больше ничего не сказал.

Команда, против ожидания, не роптала. Экипаж водувшевила легкость победы, а редкая меткость канонира вселяла надежду на новые успехи. А хрен... Все равно редьки не слаще. Да и награбленная мелочь была хоть мелочь, однако живые деньги.

На следующий день «Чайка» атаковала еще баржу, которую тянули против ветра бечевой. Наученный горьким опытом, Петр приказал открыть огонь загодя. Оглоедов виртуозно накрыл горохом бурлаков, затем вlepил гвоздями по палубной надстройке – строго говоря, шалашу.

– Будешь у меня на фрегате главным канониром, – пообещал Петр.

Команда баржи трусливо покинула судно и убежала по берегу, как метко заметил дед Шугай, очень далеко.

На барже оказались мало того, что всякая мануфактура и провиант, так еще пара ружей с припасом и водки полведра.

Тизенгаузен закусил губу. Приз был что надо, но увести его за собой означало потерять скорость.

– Жалко, не фрегат у нас, – расстроился Оглоедов. – Сей-

час бы все забрали.

Стоявший рядом дед Шугай метко заметил, что фрегату в Волге-матушке было бы тесно.

– Петли амбарные за борт, – приказал Тизенгаузен. – Грузите ткань. Ох, сколько же ее! Кто хочет, может намотать себе бархатные онучи. Хм... А не поставить ли нам алые паруса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.